

Татяна Каппа

Про Тоську

Книга 3. Танцовщица.

Начало истории Антонины Найденовой

Татьяна Каппа

Про Тоську. Книга 3. Танцовщица

«Автор»

2026

Каппа Т.

Про Тоську. Книга 3. Танцовщица / Т. Каппа — «Автор», 2026

Тоська с мужем приезжают в новый город. Всё кажется возможным – и всё оказывается непростым. Дом офицеров, варьете, танцевальный театр. Время меняется стремительно: перестройка, которая изменяет людей и их отношения. Во всём этом легко запутаться. И в создании нового в это время легко ошибиться. Но это осознается уже потом.

© Каппа Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Дом офицеров	7
2. Новая квартира с комнатой-вытрезвителем	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Про Тоську. Книга 3. Танцовщица

Посвящаю Б.Б.

Пролог

Район деревянной застройки, где жила семья Маши, снесли. На его месте построили большое современное здание почтамта. На второй этаж посетителей поднимал эскалатор. Наверху их встречал «монстрик», как называли почтовые работники сооружение с витражами из цветных стеклянных квадратов. Время от времени внутри «монстрика» загорались лампы, освещая стекла изнутри, и он вздыхал на весь зал. Можно было посидеть на лавочке рядом и повздыхать вместе с ним. Было душевно.

Маша с семьей переехала в другой район – снова в деревянный дом, с печками и плитами. И опять из открытой форточки на кухне пахло снегом и сгоревшими торфяными брикетами.

– Так пахнет зима в Таллине, – говорит соседка Нина Владимировна, садясь на табуретку у окна и закуривая папиросу. К запахам зимы примешивается знакомый Тоське крепкий табак. Такие папиросы курила ее бывшая свекровь.

Стол сестры Маши стоит у противоположной стены, к которой рогом привинчен черный патрон с лампочкой. Каждый хозяин стола платит за свое электричество.

Нина Владимировна когда-то была единоличной хозяйкой этой большой квартиры с паркетными полами – и не только квартиры, но и всего двухэтажного деревянного дома, национализированного новой властью в сороковые годы.

Семья сестры занимает в квартире две комнаты: одну – небольшую, другую – просторную, с четырьмя высокими окнами в ряд, напоминавшую школьный класс. В прошлом это была парадная комната для торжественных случаев, праздников и танцев.

– Зала, – говорит Нина Владимировна. – Здесь раньше стоял большой черный рояль. Мы музицировали, танцевали. На Рождество ставили большую елку...

Теперь «зала» была разделена прежними жильцами решетчатой перегородкой, какие ставят в саду на дачах. Получилось, как бы прихожая, столовая и гостиная.

Маша мечтала сделать из мужа генерала. Но муж Лыков смог дослужиться только до мичмана – с двумя звездочками на черных погонах, с обидным прозвищем «сундук». И это был потолок. Выше – разве что третья звездочка старшего мичмана.

Муж старался соответствовать требованиям Маши: быть умным, образованным, воспитанным. И на ее просьбу помочь их приятельнице донести домой тяжелую швейную машинку, взятую у них напрокат, он одевался и шел. Тащил ее по улице, стараясь не думать о том, что это вполне мог бы сделать и муж приятельницы, который сейчас лежит на диване у себя дома и смотрит телевизор. Послушание подменяло воспитанность.

Учиться дальше ему не хотелось. Из него, статного рослого парня с десятилеткой, мог бы получиться отличный футболист.

Раз в месяц, вечером, раздавался дверной звонок, и по коридору вместо мужа чеканил шаги молодой матросик.

– Мичман Лыков велел доложить, что задерживается на службе по причине обстоятельств секретной важности и будет не раньше утра! – вытянувшись во фронт, отчеканивал он, и щеки его алели.

Сестра в ответ отдавала шутливую команду:

– Принято. Кругом а-арш!

И когда торопливые шаги стихали за порогом, говорила:

– Опять спирт в часть привезли для регламентных работ!

Тоська сочувствовала сестре, но тут же вспоминала сибирскую деревню, школу, спирт, который лаборант Олешко привозил из района для уроков химии, – и мужчин школы, отправлявшихся в кабинет директора на свой мужской праздник.

Наверное, мужчинам нужны такие праздники.

Как говорил ее отец: «Надо иногда организм протравить!» Снять стресс, забыть что-то больно терзающее душу... Хотя бы на время.

Как сказал поэт Маяковский: «В вино выполоскать горло сердцу изоханному...»

– Это ведь, только кажется, что мужчина сильный и каменный в душе! – защищала она Лыкова.

Они промучили друг друга почти двадцать лет.

Маша заболела. Неизлечимо.

Лыков, сославшись на то, что ему будет больно смотреть на ее болезнь, завербовался на подлодку. Маша умерла.

А он, вернувшись из плавания, через некоторое время, допустимое для скорби, – женился на продавщице, для которой уже был «генералом».

Но это всё будет потом.

А пока все живы, и жизнь идет своим чередом.

Мужа Тоськи, гениального «Кантора», по благу устроили на судоремонтный завод. Здесь собираются открывать вычислительный центр, и его поставят им руководить. Центр еще не открыли, но уже дали комнату в общежитии.

Здесь живут заводские рабочие с семьями – в основном люди не слишком образованные, но крепкие, привычные к житейским неурядицам и бытовым неудобствам.

Можно было видеть, как заводская уборщица, женщина Фаина, идет стирать в прачечную, что в цоколе, и, спускаясь по ступенькам, несет свою стиральную машину, подперев ее бедром и обхватив руками.

А, постирав, возвращается вверх – одной рукой обхватив машину, а другой – таз с выстиранным бельем, от которого пахнет мокрой свежестью стирального порошка. Так и шагает, растопырив руки, вверх по лестнице.

Это же робот Ольга, жена Мозеса из «Отеля» Стругацких. Фаине бы еще и Ольгину красоту! Но будь она так же красива, разве жила бы здесь?

Да? Как знать...

Глеб ждал открытия на заводе вычислительного центра.

Варьете Тоська оставила на потом, звонить сестре Анны Яновны не стала. *

Потому что Глеб нашел ей работу – художником-оформителем в Доме офицеров.

* книга 2 "Бабочка"

1. Дом офицеров

Начальник Дома офицеров капитан первого ранга Плотский, торопясь и, как Тоське показалось, невнимательно выслушал ее и отправил к художникам. Мастерская художников размещалась в небольшой комнате на третьем этаже, за туалетом.

Тоська нашла ее быстро. Заглянула в открытую дверь...

Два молодых парня возились с большим фанерным кругом, что-то размечая на нем карандашом. Седой худощавый мужчина в пиджаке и черной водолазке сидел за столом и наблюдал за ними со скептической ухмылкой. На правой стороне его пиджака блестела небольшая круглая медаль. Тоська поздоровалась, назвала себя. Парни оторвались от фанеры, с интересом глянули, вежливо представились:

– Гена.

– Дима.

Мужчина за столом не назвался.

– Новый художник? – спросил он надтреснутым голосом. – Вот тебе контрольное задание, – он подвинул по столу листок. – Нарисуешь эскиз афиши фильма «Ветер надежды». Садись сюда.

Он встал. Тоська села на его место, достала из сумки книгу Виллу Тоотса. Мужчина хмыкнул, отошел к окну. Постоял, задумчиво глядя в него, посвистел, покрутил на пальце цепочкой с ключами и молча ушел.

– На машине поехал кататься! Недавно купил, – объяснили художники и, задвинув фанерный круг за шкаф, достали оттуда бутылку вина.

Вежливо спросили:

– Не желаете? Красненькое!

– Да вы что! – отмахнулась Тоська. – Мне же эскиз рисовать!

– А... Ну да! Это – причина, – весело согласились они, привычно усаживаясь за круглый столик в углу мастерской и расставляя стаканы...

Тоська открыла книгу Тоотса и стала выбирать шрифт, опробывая его плакатными перьями на черновых листочках ватмана. Наконец, выбрала – легкий, свободный, летящий. Всё-таки «ветер» в названии.

Художники не мешали, пили «красненькое» и трепались о чем-то своем. Она прислушалась...

– Плохих художников отличает фотографическая точность их картин... – говорил Гена.

– Это теперь называется «эмоциональный реализм»!.. – с иронией соглашался Дима, делая хороший глоток из стакана. – Публика в восхищении!

– Дилетанты! Такие восхищаются портретами по клеточкам нашего Семеныча!

– Семеныч, это тот мужчина, который ушел? – спросила Тоська.

– Он. Главный художник. Между прочим, заслуженный деятель искусств РСФСР. Знак на груди у него видел?

– Я подумала, что это военная медаль!

– Какая медаль! Он войну писарем при штабе просидел.

– Зато теперь пользуется всеми ветеранскими льготами и Брежнева за это хвалит. Мне, говорит, теперь везде без очереди. И продуктовый дефицит – в особом отделе... и проезд... И на курорт на следующий месяц бесплатно едет! – иронизировал Гена.

«Очень его уважают!»

– Писари тоже нужны были, – по привычке заступилась Тоська.

– Скажешь тоже! Вот у меня отец... – начал Дима, но тут в коридоре слышались быстрые шаги, бутылка тут же оказалась на полу, стаканы в руках за спиной.

В мастерскую ворвался запыхавшийся начальник Дома.

– Где? – с порога закричал он. – Где он? Почему его нет до сих пор?

– Вы про кого? Про Семеныча? – вежливо спросил Гена, задвигая ногой бутылку под стол. – Так он на «Жигулях»...

– Какого на ... Семеныча!!! Какие «Жигули»? – казалось, что от возмущения его сейчас разорвет. – Где герб? Герб где, я спрашиваю!

– Сохнет! – по-собачьи мотнув головой, мгновенно отреагировал Дима.

– Чтoб через пять минут был на сцене! – отдал приказ капитан первого ранга и исчез за дверью.

– Есть! – вслед ему шелкнули каблуками ботинок художники и тут же заметались по мастерской: – Куда мы его? Где он?..

– За шкафом... сохнет! – напонила Тоська.

Фанерный герб был тут же вытащен и мгновенно раскрашен в четыре руки.

– Опыт не пропьешь! – назидательно сказал Дима.

Осторожно, чтобы не заляпаться свежей краской, художники взяли его за края и потащили из комнаты. Тоська пошла за ними.

Они спустились на первый этаж. Вошли в зрительный зал.

Она огляделась, взглянула вверх на живописный плафон, украшающий потолок, потом – на освещенную сцену с трибуной и длинным столом президиума. На сцене стояли военные, что-то решая... Видимо, что-то очень важное, судя по их серьезным лицам.

– Кавторанги... – шепнул Дима.

– Это как? – не поняла Тоська.

– Капитаны второго ранга...

– А-а!.. – понимающе кивнула она. – «Капитаны, / Открыватели новых земель, / Для кого не страшны ураганы, Кто отведал мальстремы и мель...»

– Они самые.

Она прислушалась.

– Так где ставить знамя: справа или слева от трибуны? – в который раз спрашивал их начальник Плотский. Капитаны в черных мундирах с блестящими пуговицами и золотым шнуром на погонах стояли, задумчиво сцепив руки внизу живота, как футболисты во время стояния «в стенке».

– «Разве трусам даны эти руки, / Этот острый, уверенный взгляд...» – тихо продолжила Тоська и поинтересовалась: – А не всё ли равно, где ставить?

– Не скажи! У военных в этом отношении всё серьезно! – сказал Дима.

– Это точно, – вполголоса поддержал его Гена. – Помню, как-то оформил стенд, посвященный партийной конференции. Заголовок, фотографии, подписи... Вывешиваю в фойе. Тут подходит Балагай, наш председатель секции ветеранов: «Ты что, – говорит, – идеологическую диверсию устраиваешь!» «Какую диверсию? Где?» – не понимаю. «А вот на этой фотографии – торжественный внос знамени в зал, а рядом фотография, где участники партийной конференции сидят! Что же это получается, знамя вносят, а они сидят?»

– Переделывал?

– Выкрутился! «А слева на фотографии президиум тоже сидит! – говорю. – Что же получается, одним – можно, а другим – нельзя?» Балагай и отстал.

Тоська прыснула. А со сцены всё несло: «Справа... слева...»

– Слева, – хрипло и коротко бросил невысокий мужчина, появившийся из боковой двери зала.

– Это кто?

– Самый главный. Завхоз Гроссман.
– Хриплый какой!
– Он в морской пехоте воевал! Освобождал город в холодных водах Балтийского моря.
– А почему слева? – вслед Гроссману, который быстро пересек зал и уже выходил из него, крикнул со сцены полный мужчина в штатском.
– Это и есть наш бдительный Балагай.
– Только там в полу дырка для древка есть! – уже из фойе донесся голос завхоза.
Ребята осторожно подхватили герб и потащили его на сцену. Тоська поднялась в мастерскую. Скоро вернулись художники.
– Учись, студент!
Они разлили остатки вина по стаканам. Только выпили, как прибежал еще один капитан. Глянув на Тоськин эскиз, он весело хмыкнул и вытащил из-за шкафа свернутый в рулон плакат, раскрутил и повернул к ней.
С плаката смотрели румяные матрос и солдат, а из-за их спин, по-родительски строго – рабочий и колхозница. Единство их подтверждал лозунг: «Народ и армия – едины!»
– Дом является формированием Министерства обороны! – объяснил капитан. – В армии и флоте существует только один шрифт! Милитаристский! Вот такой, как здесь! – потряс он плакатом. – Только им всё писать и оформлять! В нем – сила и правда! Есть вопросы?
– Вопросов нет, – ответила Тоська. – Как сказал Бендер, представители милиции могут быть приравнены к детям. А значит, шрифт должен быть четкий и простой! Рубленый!
Гена и Дима «хрюкнули». Молодой капитан опять весело хмыкнул и умчался.
– Кто это был?
– Заместитель начальника Дома, капитан третьего ранга Бодряшов.
– Что же вы сразу не сказали про милитаристский? – укорила их Тоська. – Сидели, вино пили, ухмылялись?
– Так «деды» «салаг» в армии учат! – засмеялись они. – Наш дембельский аккорд!
– Тоже мне, «деды»! – засмеялась и Тоська. – Развели «дедовщину»!

В фойе на «козлах» лежал приготовленный длинный планшет, обклеенный белой бумагой. На нем она широкой кистью «вырубила» свой первый текст.

ВЕТЕР НАДЕЖДЫ

Когда краска высохла, рабочий Дома Василий Степаныч, привычно ухватив планшет двумя руками, потащил его на улицу. Там он поставил его поверх рекламного окна.

Тоська вышла вместе с ним и, с удовольствием разглядев свою первую работу, нашла, что Бодряшов был прав: рубленый «милитаристский» шрифт не допускал сомнений в силе и правде слов в названии фильма.

Что есть удача?

Администратор Раиса Ивановна занимала в уютном небольшом холле отдельный кабинет. Дверь в кабинет была красивая, резная, с матовыми стеклянными секциями.

Перед спектаклями и концертами у двери всегда стояли несколько человек. Администратор, как и все администраторы, была всемогуща. Она могла провести на концерт или дать контрамарку на спектакль, или позвонить в кассу и распорядиться, чтобы выдали билет из отложенных ею.

Тоська была вхожа в кабинет по работе. Она получала от администратора названия новых фильмов, которые Раиса заказывала в Кинофонде. Раиса Ивановна сама часто присутствовала

на закрытых просмотрах, и Тоська иногда слышала ее рассказы о них. Фильм «Зеркало» Тарковского, который она смотрела в зале объединения «Океан», ей не понравился. Не понравился ей и сам режиссер.

– Ему зрители говорят: мы смотрели ваш фильм и не поняли, о чем он? А он: «Не поняли? Тогда и я вам не смогу объяснить». Встал и ушел. Представляете? Тоже мне, возомнил из себя гения! Для кого он тогда фильмы снимает?

Раньше Тоська возразила бы Раисе, заступилась за талантливого режиссера, назвала бы его гением. Но сейчас она промолчала, только подумала, что гении, как маньяки, одержимы своими идеями. Они – эгоистичны. Так же, как и Сталкер, о котором Тарковский снял фильм, тоже не понятый работниками «Океана». У сталкеров Зона становится смыслом их жизни. Без семьи такие прожить могут, а без Зоны – нет. И Зона у каждого – своя.

Если бы она посмотрела этот фильм раньше и такой, какой она была, работая в деревенской школе, то, наверное, сравнила бы Сталкера с Прометеем, которого рисовала в школьной стенной газете. Стать Сталкером! Вести людей! Ничего для себя, всё для других, бескорыстно рискуя собственной жизнью и печенью. Имея убогое жилище и огромное количество книг в нем.

Если бы посмотрела лет эдак через... в общем, мудрой и старой, то, возможно сказала бы, что Сталкер ведет людей в глубину души каждого и путь этот – самый трудный и опасный из возможных на Земле.

А может, она стала бы старой, злой, циничной и сказала бы, что Сталкер таскает за собой козьими тропами двух «лохов» к несуществующей комнате исполнения истинных желаний. И всю дорогу толкает им басню про эту комнату, которую сочинил он сам, такой же неудачник, как и все персонажи фильма.

Неудачники... А что такое удача? Непредсказуемое событие. Случай... Везение... Выиграл в лотерею, достал книгу, за которой давно «охотился», после тебя закончились импортные сапоги, успел в магазин за хлебом до закрытия – это всё удача... А неудача? Всё тоже, только с частицей «не»?

Критерии удачи и неудачи человек оценивает сам.

Ёлка с иголками

Начальник Плотский ушел на пенсию. Его хорошо и уважительно проводили. И вместо него прислали на первое время молодого лейтенанта Назаревича.

Молодой, высокий, худой он не был похож на начальника. И поведением своим тоже не соответствовал. Он не знал, что надо делать. Как надо начальствовать.

Он приходил в Дом рано утром, проходил в огромный кабинет, где на блестящем паркетном полу стояли напольные часы с боем, садился за дубовый стол, брался за голову обеими руками и смотрел на кипы служебных бумаг, лежащих перед ним, каждые полчаса вздрагивая от гулкого боя часов...

В таком виде его заставляла дежурная Клеопатра, которая заглядывала к нему с сообщением о служебных звонках из Политотдела береговой базы.

Назаревич поднимал голову, выслушивал и потом спрашивал:

– И что мне со всем этим делать?

– То же, что делал Пал Григорич!

– А что делал Пал Григорич?

– Сейчас я вам всё объясню!

Все сотрудники помогали молодому начальнику, как могли. И скоро он вошел в курс дел и освоился. Но по молодости лет еще не мог принять и понять некоторые вещи.

Однажды Тоська была у него в кабинете. Обсуждали вопрос о рекламе новогодних праздников. В кабинет заглянул Балагай.

– На базу елки привезли! – сообщил он. – Сколько для Дома заказать? Списочек составили? Он вошел в кабинет.

– Нет, – растерялся Назаревич и покраснел. Он всегда быстро, по-мальчишески, краснел.

– Как? И начальству в Политотдел не звонили? – ахнул Балагай.

– Нет. А что, надо?

– Необходимо! Вот звоните сначала контр-адмиралу.

– Неудобно, он сейчас на службе... Отвлекать...

– Домой, домой звоните! Жене его! Клавдии Васильевне! Вон в книжке есть все домашние телефоны!

Назаревич, уже с пылающим лицом, нерешительно взял трубку, набрал номер...

– Клавдия Васильевна? Это Назаревич... – неловко начал он. – Какой? Ну... я, как бы... новый начальник... Начальник чего? Дома...

– Дай сюда! – Балагай выхватил трубку: «Клавдия Васильевна, добрый день...» – ласково заворковал он в нее.

Назаревич и Тоська с любопытством смотрели и слушали, как он уговаривает Клавдию Васильевну принять елку.

То, что отвечала Клавдия Васильевна было понятно из ответов Балагая. Жена контр-адмирала капризничала, отказывалась, говорила, что от елки остается много иголок, их надо убирать, а у нее больная спина. На что Балагай обещал прислать матросиков, которые всё сделают. И поставят, и подметут, и уберут, и паркет начистят...

Но Клавдия Васильевна была непреклонна. Жена контр-адмирала!

– Не захотела! Много иголок от елки, – развел руками Балагай, положив трубку. – Список сам составляю. Вам-то не надо? – посмотрел он на Назаревича и перевел взгляд на художницу. Они одновременно замотали головами: «Не надо!»

А Тоська иронично добавила:

– От елки много иголок. Ко мне же матросиков вы не пришлете убирать их!

Новая «метла»

Город готовился к Олимпиаде. В городе шли стройки.

В гастрономе напротив сменили старую фанерную вывеску на новую – из неоновых трубок, и в магазине на стены повесили цветные слайды с изображением продуктов. Цвет у них был какой-то странный: у колбасы – фиолетовый, а у огурца – лиловый. Но это, когда подсветка не была включена. Когда включали – цвета менялись наоборот.

В Дом офицеров прислали нового начальника. Не старого, не молодого, а энергичного, с интеллигентным шармом. Такого положительного партийного киногероя, с оригинальной фамилией Репецкий.

«Репецкий-Лопухов – фамилия для персонажа пьесы Островского», – тут же придумала Тоська. – «Будет ли она говорящей?

В Доме офицеров тоже началась подготовка к Олимпиаде.

Приедут иностранные гости, зайдут в Дом... А здесь – сплошная консервация прошлого: ковры, хрусталь, позолота...

Нет военного духа. Нет военной готовности. Нет наглядной агитации. Нет современности.

И Репецкий-Лопухов начал обновления...

Исчезли ковровые дорожки с лестниц, ковры из вестибюля, старинные, красного дерева, напольные зеркала, фарфоровые вазы. Исчезла со стены живописная картина в позолоченной резной раме – с сюжетом не военным, а пасторальным.

На картине был изображен тихий сельский уголок с речкой, мягкой зеленью, коровками и пейзажами. Спокойный, условный пейзаж – как у Буше.

Действия начальника напомнили Тоське действия ее сестры. Когда пришла мода на тонконогие столы и кресла, пластмассовые вазы с геометрическим декором, портретом Хэма на стене, она срочно заменила уютный абажур на трехрожковую люстру, выкинула все фарфоровые и фаянсовые статуэтки, повесила фотографию Хэма в свитере...

Пить вечером чай под трехрожковой люстрой светом в потолок стало неудобно...

– Ковровые дорожки-то зачем? – удивлялись старожилы Дома. – Всю жизнь на ступеньках лежали. И ковры паркет берегли... Никому не мешали!.

Искусственная позолота и хрусталь люстр остались на месте.

«Спасибо, отец родной!»

Из вестибюля вынесли портреты членов Политбюро. Надо идти в ногу со временем. С такими портретами – тяжело шагать в ногу! Нужно новое, свежее... Вместо них начальник велел изготовить огромные деревянные коробки с лампами дневного света, в которые будут вставляться слайды.

– Колбасные? – ехидно спросила Тоська.

– Военно-морские... – воодушевленно парировал начальник.

Такое воодушевление как-то не вязалось с его черной морской формой. Может быть, приходя домой, он надевал белоснежную рубашку с высоким воротником, домашний халат, завязывал в узел шейный платок и писал лирические стихи?

Репецкий, как и все, не ходил, а носился по Дому. И к художникам заскочит на верхний этаж, и в подвал к столяру спустится – проконтролировать качество деревянных коробок...

– Вот здесь как-то неровно! – делал он замечание, прищуривая глаз.

– Здесь заподлицо сделаем... Потом покроем матом... – поднимая очки на лоб, объяснял столяр и смотрел на начальника, ожидая иных предложений...

Репецкого эти слова пугали, он делал неопределенное движение рукой и тут же исчезал. Совсем как директор ИВЦ Сергей Леонидович при слове «табуляграмма».

Работа по подготовке Дома к Олимпиаде затянулась. Репецкий всё придумывал что-то новое, менял планы... Работали уже который день до позднего вечера, часто без перерыва. Люди зароптали, стали высказывать недовольство. Начальник утихомирил их, пообещав премии.

Но однажды под вечер ветеран-столяр выполз из своей подвальной мастерской, поднялся в вестибюль, где стояли работники Дома в ожидании новых заданий, и сказал:

– Всё. Сил моих больше нет. Бери шинель – пошли домой!

Это прозвучало убедительно, как приказ. И все пошли домой.

– Они правы! – сказал Николай Исаакович Репецкому. – Сейчас не военное время.

На следующий день до обеда работа была закончена.

Черные коробки на белой стене вестибюля были похожи на очки слепых. К приезду начальства их включили. Высветились белые морские корабли в синем море, чеканные профили краснощеких моряков, флаги с красными звездами и серпом с молотом...

Репецкий немного суетился, ведя начальство политотдела вдоль коробок и объясняя свой замысел:

– Кто бы ни вошел, сразу увидит, что он – в Доме морского флота!

– Да, – соглашалось начальство. – Это сразу дисциплинирует. И возникает чувство гордости – и за флот, и за страну. Это ты хорошо придумал.

Репецкий, хоть и старался быть сдержанным, но не получалось. Он весь светился.

Работники тоже радовались. Им светила премия.

Мастер-класс по ведению собраний

Оказалось, что премия светила всего в пять рублей. Эту новость принесли из бухгалтерии.

Каждый рассчитывал на большую. Тоська рассчитывала на десятку. Она даже знала, на что ее потратить. Пятерки на это не хватало. У остальных тоже были свои планы, на что потратить премию, и пять рублей разрушали их...

А тут еще прошел слух, что Репецкий допустил перерасход денег на коробки со слайдами. Он же не хозяйственник, денег не считает. Вот поэтому и премия такая маленькая. Экономят на рабочих.

В Доме офицеров забурили страсти. Решено было собрать собрание.

Собрались в малом зале Дома.

Выручать своего подчиненного приехал контр-адмирал Миронов.

Работники расселись на стульях. Адмирал с Репецким уселись за столом перед ними

Весело вошел заместитель начальника Бодряшов, поздоровался, сел впереди на крайний стул, готовый бежать, куда угодно по первому зову.

Бодряшов был веселым человеком. И даже немного бесшабашным. Поговаривали, что у него дома постоянные скандалы с женой. Наверное, скандалы и драки были нешуточные, если над их супружеским ложе жена повесила репродукцию картины Джорджоне «Юдифь с головой Олоферна». Об этом как-то смущенно обмолвился сам Бодряшев – потенциальный Олоферн. Они дрались, и жена ходила жаловаться начальству.

Шумно вошел опоздавший Балагай.

– Прошу прощения, извините... – идя через зал, непрерывно говорил он. – Ветераны задержали... У всех вопросы, пожелания... Всем нужно уделить внимание.

Он сел.

Воцарилась тишина. В тишине, там где стулья, безмолвно висел вопрос: «Кто виноват?»

Над столом, так же безмолвно, но красноречиво, висел другой: «Что делать?»

Как всегда, выручил изобретательный Балагай.

– Товарищи, разрешите я начну! – нарушил тишину его голос. Никто не возражал, и он продолжил:

– Для начала давайте наведем порядок в зале!

– В чем непорядок?

– Посмотрите на портрет Брежнева! Ведь давно косо висит и никого это не волнует!

Все глупо уставились на портрет генсека. Контр-адмиралу и Репецкому пришлось повернуться.

Тоська этот портрет изучила наизусть, когда пририсовывала полученные Брежневым «Золотые звезды» Героя. Парадный портрет. Брежнев был в маршальском мундире с золотыми погонами. На груди – ордена, золотые звезды, орден Победы с рубинами и бриллиантами. Большая бриллиантовая маршальская звезда под узлом галстука... Он напоминал какого-то знаменитого прародителя.

«Кудри бы до плеч... брови проредить и готов «Портрет императрицы Марии Федоровны» Боровиковского», – разглядывая его, прикидывала она.

Тем временем, Репецкий резво вскочил с места, деловито приставил к стене стул, встал на него и схватился за портрет обеими руками, как за руль. Балагай тут же стал руководить им. Незаметно подключился весь зал:

– Нет... Ну куда?... Надо справа ниже... Нет выше... Теперь слева выше... Еще чуть-чуть... Во-во... Нет... Опять не то...

– Самый раз!.. – нетерпеливо и раздраженно крикнул Семёныч своим надтреснутым голосом.

У Дома его ждали любимые «Жигули», теплый ветерок в припущенное стекло дверцы, любимые песни из кассетника, дорога к морю... Там – запах сосны и тишина....

Ветерана Семёныча, как старшего художника Дома, послушали – больше Брежнева не трогали.

И генсек с портрета внимательно разглядывал их, сидящих в зале, смотрел пронизательно и без удивления. Он как будто знал, что, когда умрет, портрет, который они сейчас так заботливо поправляли, выбросят в подвал, а все его награды, которые сейчас украшают его маршальский мундир: и орден Ленина, и «Золотые Звезды», и орден Победы, и даже подарочную маршальскую саблю отберет новая власть.

«Мертвые сраму не имут...»

Общая работа сплотила начальство и подчиненных, отвлекла от вопроса премии и душевно размягчила.

А тут контр-адмирал еще вдруг спросил:

– Слышали об аварии на строящейся телевышке?

Авария была на слуху, но подробностей никто не знал. Это было интересно.

– Мне вот вчера как раз рассказали подробности ответственные люди,

– по-домашнему начал рассказывать контр-адмирал. – Оказывается, вот что там произошло... Сварщики что-то делали наверху, и искра упала на скопление кабелей в шахте ствола башни! Огонь сразу – аж до пятого этажа!

Он так и сказал: кабелей, но никто не заметил.

А может заметили – но не поправили: адмирал всё-таки...

– А мне мой сосед рассказал... Из первых рук! – с места начал Василий Степаныч, но его подняли: плохо было слышно. – Как их бригадир увидел, что кабеля загорелись, так сразу и бросился вверх – наперегонки с огнем! До двадцать третьего этажа добежал и перерубил горящие кабеля!

– С какого бежал? С первого? – со смешком уточнил Семеныч.

– Ну а с какого еще?

– Это сколько ж лет бригадиру, чтоб до двадцать третьего добежать и не задохнуться, да еще перерубить кабели? – недоверчиво спросила заведующая библиотекой Эмма Павловна. Она по ступенькам-то на второй этаж поднималась, задыхаясь и останавливаясь..

– Про возраст не знаю. Молодой, наверное. опередил пожар. Не дал огню добраться до металлической части башни!

– А то что?

– А то, что не добеги он – башня могла бы расплавиться!

– Кошмар...

– А жертвы были?

– Были. Обожженные были, но все выжили.

– Вот ведь... Все под Богом ходим... – громко вздохнув, подытожил Балагай.

У фотографа Дома оказались фотографии, которые он делал для газеты моряков Балтийского флота. Сначала их отдали посмотреть начальству, а потом уже пустили по рядам. На фотографиях был и бригадир.

– Вот он! Герой! Сосед сказал, что ему премию выписали!

– А нам? Нам-то премию? – вдруг вспомнили в зале и обиженно зашумели, хотя и неловко: их сверхурочная работа уж всяко не была подвигом и, может, даже не заслуживала и пяти рублей.

Контр-адмирал почувствовал растерянность публики и повернул ее в нужное русло. Он заговорил о напряженной международной обстановке, о гражданской войне в Ливане, голоде в

странах Азии и Африки, где умирают дети, об авиакатастрофе под Тегераном, о землетрясении в Китае, унесшем сотни тысяч жизней.

Все потрясенно слушали. Миронов умел находить нужные интонации.

– А у нас – спокойная мирная жизнь! – сказал он просто и убедительно. – В магазинах почти всё есть и даже недорого. И у всех есть работа, оплачиваемые больничные, отпуска и премии... пусть небольшие...

Закончил контр-адмирал искренне и задушевно:

– Ведь хорошо же живем, товарищи!

И все согласились.

Всё было именно так...

Дом офицеров как Ватикан

Контр-адмирал сказал правду.

Какая к черту десятка, когда у тебя есть работа в красивом и уютном Доме-дворце с ампириными «архитектурными излишествами», успевшими появиться до борьбы с ними? Работа в окружении офицеров с военной выправкой, доблестью и честью...

И в отпуск можно поехать на Кавказ или в Крым по профсоюзной путевке. У председателя секции ветеранов они всегда есть в запасе. И больничный оплатят, если что... Всё – правда.

Сам Дом – территориальный объект. «Государство» в государстве. Анклав. Ватикан в Риме.

Так сочиняла для себя Тоська. Искала предметные сходства.

И находила.

Плафонная роспись в зрительном зале Дома – как плафон сикстинской капеллы в Ватикане. Нет, скорее, как плафон Камеры пикта! Круглое окно в голубое небо с белоснежными облаками. День весеннего праздника под веселой гирляндой сигнальных флажков.

Острый форштевень корабля, как грациозная шея павлина, устремлен в небо. На его железном массивном теле – поднятые вверх дула пушек. Сакральность и фетиш силы!

Вместо ангелов – люди в белом. Победители.

Тоська искала в Доме новые сходства...

Как у гвардейцев Ватикана, у офицеров Дома есть униформа – и парадная, и повседневная. Но маскарадной желто-синей одежде гвардейцев Ватикана, их гамашам и красному плюмажу на касках далеко до нашей классики: сочетание белого и черного, подчеркнутое золотыми деталями.

Эта форма создана, чтобы подчеркнуть красоту мужчины.

Она сводит женщин с ума, лишает их сна: «Я выйду замуж только за морского офицера!»

Гвардейцы Ватикана дают священную присягу служить правящему понтифику. Работники Дома тоже дают торжественное клятвенное обязательство – быть преданным своему Народу, Родине и Правительству.

И Тоська давала клятву. Это занесено в важный документ – второй по важности после паспорта, в ее трудовую книжку.

И охрана Дома в лице дежурной Клеопатрры, как и охрана Ватикана, не пропускает посетителей в шортах, мини юбках и легких платьях с открытыми плечами...

Но Тоська ходит на работу в этих запрещенных нарядах. И офицеры Дома, в отличие от дежурной и охраны Ватикана это приветствуют.

В этом Дом офицеров превзошел Ватикан!

Виват!

Но со временем Тоська почувствовала отстраненность «Рима» от маленького Дома-государства.

Вирус заражения «историко-психологическими причинами» витал пока вне Дома – где-то там далеко...

А Дом жил своей тихой повседневной жизнью, в которой случались и торжества...

К торжествам относились и партийные конференции. К ним готовились с провинциальным размахом: «Что есть в печи – всё на стол мечи!»

Дорогих гостей, участников съезда ожидал продуктовый и книжный дефицит. Бутерброды с икрой и с сырокопченой колбасой – в буфете. В вестибюле – ряды столов с дефицитными книгами для знатоков и для любителей модных обложек. В танцевальном зале, в ящиках, лежали и восхитительно пахли оранжевые апельсины.

Участники конференции с любопытством толпились вокруг изобилия, как дети в магазине игрушек. Прозвеневший звонок волшебным образом превратил их в серьезных взрослых – и они деловито отправились в зрительный зал заседать, а работники Дома, освободившись, заняли их места перед прилавками.

Тоська спустилась вниз за апельсинами. Там уже образовалась небольшая очередь.

– Обслуживаем только участников конференции! – объявила продавщица в белом халате.

– Так мы – не с улицы. Мы – работники Дома. Только сейчас освободились.

– Товар отпускаем только в перерыве конференции! Можете не стоять! Продавщица очистила апельсин, разломила пополам, и, отделив дольку, сунула ее в рот. Жуя, стала деловито просматривать накладные бумаги.

Все стояли молча и оторопело смотрели на нее.

И тут показался Бодряшов. Видно, тоже за апельсинами. Он шел такой бравый, в форме с кортиком! Сейчас он разберется!

– Момент, дамы! Не волнуйтесь! Всё сделаем!

Он уверенно подошел к продавщице.

– Так. Пожалуйста, немедленно обслужите работников Дома офицеров! – лихо отдал он приказ.

Продавщица оторвалась от бумаг и глянула на него, не переставая жевать.

– Я – заместитель начальника Дома офицеров!

– Ну и что? Мне-то не начальник! У меня свой начальник есть. И он приказал во время заседания товар не отпускать! Только в перерыве! И только участникам конференции! Так что нечего здесь стоять и указывать, что мне делать!

И она закинула в рот последнюю дольку апельсина...

Так, наверное, Бодряшову говорила его «Юдифь», когда дома начинала ссору, переходящую в драку...

Бодряшов непроизвольно переместил правую руку к кортику... Продавщица проследила за его рукой, но не дрогнула. «Солдат ребенка не обидит!»

А Бодряшов представил, что на месте кортика висит шашка. Он выхватывает шашку из ножен, взмахивает и опускает один раз, другой... с такой силой и яростью, что разлетаются разрубленные столы, а под ними звенит стекло разбитых банок, из них хлещет томатный сок, забрызгивая «кровью» белый халат продавщицы, присевшей от ужаса и подавившись апельсиновой мякотью... Под острыми ударами летят вверх половинки апельсинов, брызжет сок, заполняя пространство сладким и неповторимым запахом возмездия...

Но у Бодряшова не было шашки, и он стоял, сжав кулаки так, что они стали красными, а косточки наоборот белыми.

Конца полного унижения Тоська дожидаться не стала.

Ушла.

Она уже видела подобное. Незадолго до начала конференции...

Продавцы книжных магазинов расположились с книгами за столами-прилавками в вестибюле нижнего этажа. И молодая продавщица, прислонясь к колонне, закурила сигарету.

Ей тут же сделала замечание дежурная Клеопатра. Курящая даже не посмотрела в ее сторону.

Это увидел контр-адмирал и направился к нарушительнице правил и порядка Дома. В черной форме, сияющей золотыми нарукавными звездами и якорями, парадными погонами с золотым шитьем государственного герба, яркими рядами пестрых орденских планок... Слева из-под кителя блеснул кортик... Ошеломляюще красивый вид!

Подожел и строго, но вежливо, сказал: «У нас здесь не курят! Для курения в Доме есть курительная комната!»

На что продавщица вздернула голову, выпуская струю дыма вверх и, выпустив, дерзко спросила:

– А кто фы такой... прика-асыфать...

Прибалтийский акцент сделал ее ответ чужим, отстраненным от него, от этого Дома... Вокруг замерли. А боевой контр-адмирал растерялся. Видимо, воля его уже была поражена «историко-психологическим» патогеном.

Эти сцены стали финалом Тоськиных выдуманных сравнений. «Ватикан» оказался лже-государством, и адмирал не был здесь настоящим хозяином. Настоящее кроется в достоинстве. А оно не приходит вдруг.

И вспомнилась Ольга Александровна...

Она приехала в небольшой эстонский городок вслед за мужем, назначенным директором судоремонтного завода, и стала работать в поликлинике при заводе.

Худенькая, с мягкой улыбкой и грустными глазами, Ольга Александровна была человеком воспитанным и интеллигентным. И благожелательным. Не все отнеслись к русской новенькой так же благожелательно. Одна медсестра-эстонка ее почему-то невзлюбила. Относилась к ней свысока, иногда даже унижая. Узнав, что Ольга Александровна из Ленинграда, она высокомерно заявила, что, мол подумаешь, там в молодости жила ее тетка!

– Да, – спокойно сказала Ольга Александровна. – Эстонки любили брать в прислуги. Они – чистоплотные и трудолюбивые. У нас до войны была прислуга-эстонка.

Это была правда, но не вся. Ольга Александровна была баронессой, из известного рода баронов Клодт фон Юргенсбург. Ее предком был знаменитый скульптор Петр Карлович Клодт. Этого она не сказала, но недоброжелатели это поняли шестым чувством и прикусили язык...

Так постояла за себя благородная воспитанная женщина.

Мужчина не смог за себя постоять. Контр-адмирал растерялся. Время победителей прошло. Бездействуя сейчас, он не действовал и потом, когда пришло время настоящих действий.

Воины-победители остались там, на фреске потолка зала...

Нерпа

Скоро из Дома офицеров ушли Дима с Геной, художники-подмастерья главного. И сам главный Семёныч тоже ушел в Народный театр при Доме и там стал главным. В комнате художников освободилось место. И его заняла молодая художница Валя. Отец у нее был военным и сумел пристроить свою дочь.

У Вали была приземистая фигура, недобрый настороженный взгляд и закрытая улыбка куда-то вбок. Улыбка, как усмешка.

Открытая, красивая Тоська была ее полной противоположностью. Сдружиться они не должны были. Они и не сдружились.

Валя напоминала морского зверька, какую-нибудь нерпу, которой неудобно за свое неповоротливое тело рядом с удлинённым телом серебристого омуля, рыбкой правильной формы... И во взгляде ее было что-то хищное: нерпа может и съесть омуля... Но слишком она тяжела и плавает не так быстро, как серебристая рыбка...

А серебристая рыбка была замужем, писала лозунги на кумаче, подрабатывала натурщицей в художественном институте, собиралась танцевать в варьете... Недостигаема!

Валя не любила Тоську и завидовала ей. Старалась не показать этого, но выдавал ее взгляд. Валя была умной по жизни и расчетливой. Нерпа умнее дельфина и быстрее осваивает различные цирковые премудрости: может станцевать, спеть, общаться жестами и даже производить несложные арифметические расчеты. А еще нерпа способна нырять на разное время и на разную глубину.

Валя могла нырнуть только на определенное время и на определенную глубину – чтобы вернуться сухой, как нерпа. Свои границы она знала.

И терзалась этим.

Тоська по сравнению с ней казалась странствующей, проходной рыбкой омулем, которая прекрасно живет на любой глубине.

И всё у нее легко и просто!

Так казалось Вале, которая ждала от Тоськи намеков на свое превосходство, высокомерных взглядов исподтишка, усмешливой иронии...

Не дождавшись, вдруг подобрела к ней и даже произошло между ними что-то подобие дружбы. И еще Валя поняла, что она может быть таким же серебристым омулем. Если Тоська не видит между ними разницы, значит она и сама такая же! А может, даже лучше! Ее жизнь превратилась в соревнование...

Нерпа вышла замуж за усатого осетра, родила двух, вполне жизнеспособных, морских зверьков-девчонок. Одна из которых оказалась к тому же и ясновидящей. Во всяком случае свой жизненный путь она видела достаточно ясно.

Валя реализовалась в своих наследниках. Вместе они победили серебристого омуля!

Победила!

Но нет покоя!

Взгляд у Вали всё такой же недобрый... улыбка – как ухмылка...

И глубоководный усатый осетр ушел от нее вглубь речных глубин...

Новые хозяева

Начальники Дома офицеров менялись. Только за время Тоськиной работы здесь сменилось трое. Они работали честно, хотя и знали, что они временные, не настоящие хозяева.

Будущие его хозяева, как волки, уже давно бежали по следу и, почуяв добычу, затаились, ждали случая...

И вот – случай! Русские войска уходят из Прибалтики. Чей теперь Дом?

Боевой клич вожака, и вот они уже здесь...

И огромная просторная библиотека с читальным залом выбрасывается из родного места в мастерскую художников в дальнем углу за лестницей. Художников там давно уже нет. Не нужны. Семёныч еще барахтается, держась за звание заслуженного деятеля и звание ветерана.

– Мы – сами деятели! И сами – ветераны... Афгана! – говорят ему.

И вот уже заведующая библиотекой властная Эмма Павловна одышливо тащит книги в новый кабинет. Он теперь в бывшем туалете, в углу за лестницей. Кружевной воротничок ее сбился и броши камеи под ним не видно.

Эмма Павловна уже осознала, что ее авторитет и стаж работы – пустой звук для новых хозяев. И тайне рада, что ее оставили. Ее и Нину Петровну.

– Пока работайте, – сказали хозяева, – а там посмотрим, нужна ли здесь ваша избачитальня!

Вот они и стараются.

А просторный зал библиотеки, читальный зал, хранилище, коллектор, фойе с музеем, малый зал, вестибюли, закоулки лестниц и те, что под лестницами, помещение гардероба, танцевальный зал – уже отданы в аренду бизнесменам и частным фирмам. Под офисы.

– И сами станем... за доллары! – как сказал Евгений Леонов в фильме Данелии «Настя».

В танцевальном зале – уже казино. В гардеробе чем-то торгуют.

Высоко поднялся хвост жожака. Так высоко, что застрелили.

И Тоськин знакомый журналист Михаил Рогинский-Копытин сокрушался и горевал по поводу его смерти.

Вообще-то, уже не журналист. Он давно не работал в редакции, не писал ничего. Будучи человеком умным и образованным, он выбрал для себя самое выгодное по сегодняшним временам, дело – торговлю. Но из-за отсутствия опыта получалось это у него плохо. Лучше получалось посредничество. Связи у него были колоссальные. И, как ни странно, получилось ростовщичество. Он давал деньги в долг под жидовские, как сказал один его друг, проценты. И даже друзьям! Он никогда не задумывался о моральной стороне своих поступков, потому что деньги и мораль – две вещи несовместные. Он отдавал предпочтение деньгам.

Тоська увидела его в буфете Дома. Он выпивал в компании.

На столе стояли графинчик с водкой, закуска. В центре – рюмка водки, накрытая куском хлеба. Она подошла.

– Убили. Приятеля. Хороший мужик был! Честный, настоящий.

– И кто его? За что?

– Неизвестно, – пожал он плечами.

– Я скажу так, – разлив водку, сказал один собутыльник. – Дележка ворованного давно кончилась. Идет передел! Ему предложили – поделись! Он не понял.

– Да нет! Эти акции-щмакции! Первоначальный капитал-то он делал, как все! Происхождение его денег не более темное, чем у других бизнесменов, – пьяный Михаил уже забыл, что минуту назад характеризовал убитого, как честного мужика. – Расстреляли прямо в машине, – горестно качал он головой. – Такое творится!

– Что-то ты сильно по нему убиваешься? Хорошим другом он, что ли, был?

– Да нет! Так, приятельствовали, – скривился он и налил еще. – На похоронах столько народу было! И представляешь, – он опрокинул рюмку в себя, закинул в рот кусок колбасы, прожевал и с ненавистью сказал, – мою машину угнали! Теперь хрен найдешь! На кладбище, кого только не было! Машина новая, дорогая.

– Это – твоя-то? – вскричал приятель. – Красная? Какая же она – новая? Когда это у тебя была новая машина? И красная цена ей – сто долларов!

– Да ты что! – возмутился бывший журналист.

– Ну двести!

– Ну тебя! Даже посочувствовать не можешь!

– Да я тебе сочувствую!

– А-а, – отмахнулся Рогинский-Копытин, выпил и зажевал куском сыра.

Михаил любил погоревать. Он был жизнерадостный, любвеобильный и, можно сказать, веселый человек. И может быть, от переполнявших его этих позитивных чувств, у него была потребность в чем-то мизантропическом, горьком. Как в кофе по-мексикански – добавленный острый перец чили или, как тот же чили, добавленный в шоколад!

Вот и горевал он с удовольствием по случаю смерти своих знакомых и малознакомых людей. Посочувствовать или помочь им при жизни, это – вряд ли, а вот погрустить и поставить

дома на столе рюмку водки, покрытую куском хлеба, это было, как пустить слезу на симфоническом концерте. Прилично, благопристойно, уместно.

Тоська не горевала по поводу убийства нового хозяина Дома. Она не знала его. Кем он был? Волком или вербным херувимом? Его лицом был Дом, который он переименовал в Центр. И лицо этого Центра было безобразно.

2. Новая квартира с комнатой-вытрезвителем

Матросиков прислали по просьбе судоремонтного завода выселять Тоськину семью из общежития. Вычислительный центр так и не открыли.

Тоськин муж ушел с завода и стал для него чужим. Он устроился в какое-то ЖЭУ, где обещали квартиру, но тянули...

Матросики пришли с каким-то начальником. Начальник велел им выносить мебель. И они виновато вошли в комнату, растерянно озираясь, и молча стали выносить вещи.

Хорошо, что Тоське было куда и на чем переезжать.

Контр-адмирал Миронов помог с квартирой. Гросман прислал машину.

Те семьи, у которых не было знакомого контр-адмирала и «родного отца» Гросмана, сидели с детьми и со своим скарбом, который вынесли матросики из их комнат, в холле общежития. Как беженцы на вокзале. Чего-то ждали... Общежитские проходили мимо них, отводя глаза.

Тоська не отвела: ее тоже выселяли. Ей просто повезло. Могла бы вот так же сидеть на мешках.

Новая квартира была в старом деревянном доме, почти в центре.

Квартира с кафельными печками. Компанейский молодой сосед Колька с нижнего этажа, помогая таскать вещи, рассказал, что давным-давно в этой квартире жила старенькая оперная певица. В большой комнате стоял рояль. Она давала частные уроки вокала. У нее брал уроки даже сам Георг Отс в юности!

Сейчас в этой квартире была коммуналка. Маленькую комнату около входной двери занимал алкаш Хейки. Это была комната прислуги оперной певицы, как опять же сказал сосед, которого Тоська сразу стала называть Николая.

Еще одну комнату занимал пожилой Соломон Маркович, работающий в мастерской по ремонту часов. Когда Тоська первый раз вошла в квартиру и заглянула на кухню, он варил на плите кашу, поглядывая в кастрюльку поверх очков.

Две комнаты достались им. После оперной певицы в них успел пожить мясник с базара, который и освободил жилплощадь, переехав в отдельную квартиру. Одна комната с деревянным балконом была без печи. Мясник называл эту комнату «вытрезвителем». Отдыхал в ней после пьянок.

Еще в квартире был маленький туалет, одна раковина на кухне, где умывались и мыли посуду, и дверь на черный ход в подвал, где можно было хранить дрова для печей, а на чердаке развешивать белье.

Перед окном их большой комнаты рос роскошный каштан.

А по двору ходили крысы из подвала соседнего дома. Ходили спокойно, без оглядки. Их не трогали, и они никого не боялись. Потом, в перьевой подушке, оставленной мясником в подвале, Тоська обнаружила мертвую крысу. Видно, зачем-то залезла и задохнулась. Она была длинная и твердая... Бр-р-р...

Посмотреть на новое жилье пришли журналистка Лена Кудрявцева и писатель Бролер. Он приехал в город недавно, и она помогала ему с нужными знакомствами. Бролер за нее держался и даже старался ухаживать

Плащ и широкополая шляпа писателя произвели отрезвляющее впечатление на пьяного Хейки, который выглянул на разговор в коридоре и тут же скрылся за своей дверью: от таких мужчин – одни неприятности.

– Осип считает, что это шляпа «Стетсон», которую носят американские миллионеры! – пошутил муж Глеб.

На что писатель только кисло улыбнулся.

– А подкладку шляпы, – весело продолжила Лена, – он никому не показывает, потому что на ней написано «Кимры».

– Нет, эта шляпа больше похожа на «Борсалино», которые носят евреи! – по-свойски вступил в разговор Соломон Маркович, выглядывая из кухни и уже принимая гостя за своего.

Все засмеялись. Бролер заставил себя распрямить уголки губ:

– «Говнюк ты, братец, – печально сказал полковник. – Как же ты можешь мне, своему командиру, такие вещи говорить?»

– А-а... – открыл рот Соломон.

– Серафимович. «Железный поток», – строго пояснил писатель и, не снимая шляпы, прошел в открытую дверь комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.